

DOI: 10.24412/2308-8079-2022-3-1

УДК 271.2:2-55(470.2)

**«ЧТОБЫ ОСВЯТИЛИСЬ ВОЗДУХ И ЗЕМЛЯ»:
КРЕСТНЫЕ ХОДЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности становления и эволюции традиции совершения крестных ходов на Европейском Севере России. Выявлено, что к концу XVIII в. сложилась устойчивая традиция организации церковных процессий. Документы показывают, что крестные ходы совершались в связи с праздниками и иными значимыми событиями повседневной крестьянской жизни, прошлого конфессиональных общин. Участие государственных органов в проведении крестных ходов заключалось в охране правопорядка. Со стороны церковной власти отмечается только сбор статистических сведений о крестных ходах.

Ключевые слова: духовенство, верующие, крестные ходы, Церковь, Православие, конфессии.

**“TO SANCTIFY THE HEAVEN AND THE EARTH”:
PROCESSIONS IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA
BETWEEN THE END OF THE 18TH AND THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURIES**

Pulkin M.V.

The article deals with the main regularities of the formation and evolution of the tradition of making processions in the European North of Russia. It is revealed that by the end of the 18th century there was a stable tradition of organizing church processions. Documents show that processions were performed in connection with holidays and other significant events of everyday peasant life, the past of confessional communities. The participation of state bodies in the processions of the cross was taken into account in the protection of law and order. On the part of the Church

authorities, only the collection of statistical information on processions of the cross is noted.

Keywords: clergy, believers, processions, Church, Orthodoxy, confessions.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме: «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII-XXI вв.: новые подходы и интерпретации» (номер государственной регистрации 121070700117-1).

Традиция совершения крестных ходов возникла в древности. Истоки и прообразы обрядов, связанных с крестным ходом, богословы видят в пути евреев в землю обетованную, достопамятном шествии святого семейства в Иерусалим, трагическом крестном пути Христа на Голгофу, миссионерской проповеди апостолов и множестве других значимых событий ранней церковной истории, в той или иной мере связанных с передвижением. Верующие видели в крестном ходе один из значимых способов обращения к Богу. Совместные шествия мирян и духовенства призваны «умилостивить Того, Кто воплотился ради нас и принял зрак раба и Кого представляют святые иконы и образы святых Его, честно проживших на земле» [6, с. 530].

Память о Христе сближала верующих и являлась заметным фактором, способствующим сохранению и развитию традиций, связанных с крестными ходами. Иногда крестные ходы осмыслялись как особая разновидность церковных обрядов, призванная очистить окружающий мир: «Подъемлем и износим из храмов честные иконы для того, чтобы освятились и люди, и все потребное в их жизни, т.е. дома, пути, воздух и земля, оскверняемая нами и попираемая нашими ногами, для того, чтобы весь обитаемый нами град и страна причастились божественной благодати, отвергнув все губительное и тлетворное» [6, с. 530-531].

Крестный ход рассматривался как вторичное, сакральное освоение пространства, которое должно неизбежно следовать за первичным, профанным его освоением. Последнее признавалось не только недостаточным, но даже унижительным, недостойным божественного творения. Современным ученым крестные ходы представляются элементами «атрибутивно-обрядовой части социально-религиозной геосистемы» [3, с. 149].

На Руси, начиная со средневековья, крестные ходы были неотъемлемой частью повседневной религиозной жизни. Достаточно сказать, что изменение порядка движения во время крестного хода в середине XVII в. явилось одной из причин трагедий церковного раскола: старообрядцы отстаивали древний порядок движения «посолонь». В дальнейшем традиция проведения крестных ходов нуждалась лишь в незначительной корректировке. Законодательство XIX в., закрепляя и конкретизируя существующие нормы, предусматривало меры, регламентирующие сроки совершения крестных ходов и направленные на охрану общественного спокойствия: «Полиция наблюдает за сохранением благочиния во время церковных торжеств, *крестных ходов* (курсив наш – М.П.), водосвятия и тому подобных установленных обрядов» [35, с. 283]. Во время крестного хода полиция обеспечивала беспрепятственное прохождение церковного шествия. Стражи порядка добивались, чтобы не происходило «поперечной езды» через улицы или иного «помешательства шествию». Служители закона следили за тем, чтобы «для смотра на ход никто на улице не строил подмосток из скамей, досок, бревен или иного», требовалось закрыть «питейные дома» и прекратить торговлю любыми товарами, «кроме съестных жизненных потребностей». Полиция следила за тем, чтобы одновременно с крестным ходом не устраивались всякого рода шумные увеселения, пляски, «конские ристания» и тому подобное [35, с. 284]. При необходимости полицейские могли «прибегать к расправе непосредственной»: они имели право «заключать под стражу лиц, препятствующих движению крестного хода или пьяных» [21, с. 138]. Священнослужителям во время крестного хода запрещалось разговаривать между собой и раскланиваться со знакомыми [16, с.

139]. Следует отметить, что старообрядцам совершение крестных ходов категорически запрещалось вплоть до подписания указа «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. [19, с. 758].

Источники показывают, что беспокойство властей по поводу правильного совершения крестных ходов не вполне обосновано. К началу XIX в. на Европейском Севере России имелся значительный, накопленный за предыдущие столетия опыт и устойчивые традиции достойной организации церковных процессий. В 1909 г. пидемский священник сообщал консистории, что в его приходе «крестный ход учрежден издавна и совершается в том самом виде и порядке, как совершался и при самом учреждении». Без разрешения епархиального начальства, а также без «согласия и желания прихожан» никакие изменения традиционных норм допускались [33, л. 15]. К середине XIX в. время и обстоятельства появления крестных ходов, судя по имеющимся источникам, в большинстве случаев были забыты. В источниках формирование традиции проведения крестного хода в тот или иной день связывают с «далекими временами», о которых не сохранилось никаких сведений. Упоминания о том, как в той или иной местности появилась традиция совершать крестные ходы, крайне немногочисленны. Например, в Великогубском приходе крестный ход от местной церкви к часовне «установлен издавна, как сказывают обыватели сего места, по обещанию, для прекращения скотского падежа» [20, л. 23]. В Деревянском приходе происхождение двух крестных ходов к началу XIX в. забылось, но третий, установленный в 1831 г., появился «по случаю моровой язвы» [20, л. 21].

Упорядочивая церковно-приходскую жизнь, духовная власть стремилась навести порядок в стихийно сформировавшемся аспекте жизни церковного прихода. С одной стороны, в тех местностях, где крестные ходы отсутствовали, духовные власти незамедлительно старались их учредить. Настойчивые требования местного преосвященного об установлении крестного хода в Повенецком уезде Олонецкой губернии привели к составлению документа с подробным описанием современного состояния и перспектив развития

традиции. В нем указывались те местности, где существуют крестные ходы, и содержалось объяснение причин отсутствия крестных ходов там, где их не было. В Юшкозерском приходе, говорилось в документе, «учредить крестных ходов никуда и ни в какое время совершенно не возможно». При местной церкви «имеются только две часовни, но и те в дальнем разстоянии и путь неудобный» [30, л. 7]. С другой стороны, в конце XIX – начале XX вв. установление регулярных крестных ходов разрешалось только после согласования со Святейшим Синодом.

Проведение крестных ходов по случаю наиболее значимых праздников или бедствий (т.е. по чрезвычайным поводам) требовало лишь решения местного епархиального начальства, которое более оперативно, чем Синод, реагировало на духовные запросы мирян. Осуществление контроля над крестными ходами возлагалось на благочинных. Они обязывались пресекать несанкционированные епископом церковные шествия. Как говорилось в инструкции благочинным, «вновь быть крестным ходам <...> отнюдь не допускать» [18, с. 106]. На рубеже XIX и XX вв. благочиннический съезд Олонецкой епархии специально обратился к местному архиерею с просьбой «дать разрешение приходским священникам, в пределах своего прихода, где возможно, совершать крестные ходы в исключительных случаях, не испрашивая телеграммами разрешения епархиального архиерея». Священники просили также о дозволении «совершать крестный ход, по желанию и просьбе прихожан, и на поля во время посевов яровых и озимых хлебов» [17, с. 255].

Добиться права совершать крестный ход, связанный с каким-либо событием местного значения, было нелегко. Но и само осуществление крестного хода, особенно в конце XIX – начале XX вв., становилось непростой задачей. Ему всегда предшествовала тщательная подготовка, разработка маршрутов продвижения и сценариев действий участников празднества. «В структуре крестного хода <...> выделялись ключевые элементы». Они акцентировали внимание зрителя «на содержательной стороне праздника (например, иконы, связанные с праздником, хоругви, мощи)» [28, с. 232].

Крестные ходы не в последнюю очередь предназначались для того, чтобы продемонстрировать единство духовенства и народа в шествии по городу, вокруг села, из храма к часовне и т.д. В действительности даже последовательность прохождения духовных лиц во время крестного хода являлась источником конфликтов. В некоторых случаях представители черного и белого духовенства, проживавшие в одном и том же городе, оспаривали друг у друга первенство во время процессии. Глухие отзвуки противостояний сохранились в делопроизводстве духовной консистории конца XVIII в. В 1793 г. иеромонах Варлаам, строитель Спасо-Каргопольского монастыря, «ником не зван», явился в городскую соборную церковь и «в продолжение обедни облачился во все свое облачение». Затем он «первенствующим стал на середину церкви, а с ним и другие из градских священников». В момент начала крестного хода во Владимирскую церковь «к храмовому празднику Пресвятыя Богородицы» иеромонах, к крайнему изумлению протопопа городского собора, встал во главе процессии. Раздосадованный священник обратился в консисторию с просьбой разобраться в ситуации, поскольку «нам неизвестно, почему оной строитель осмеливается занимать первенство в соборе» [15, л. 1]. Такого рода противостояния в основном были возможны в крупных городах с многочисленным и амбициозным духовенством.

По традиции в крестном ходе всегда и везде участвовали священнослужители из тех приходов, по территории которых проходила церковная процессия, а также миряне. В Поднепровье и левобережье Днепра в крестном ходе по случаю весеннего «обхода полей» принимало участие большинство местных жителей, а также священник и причт. На поле выносили «хоругви и иконы, украшенные цветами и лентами» [1, с. 412]. По сведениям М.М. Громько, нести образа во время крестного хода могли все желающие. Поскольку добровольцев всегда находилось много, они часто менялись, «но те, кто нес икону по обету, не отдавали ее никому». Священнику эту службу оплачивали всем миром, собирая деньги по всех приходских дворов [14, с. 109].

Аналогичная закономерность прослеживается по каргопольским материалам. Здесь местные мальчишки «за несколько дней до Пасхи начинали бегать к попу с просьбой взять их с "Богоматерью"» [28, с. 50]. В вепсских деревнях в пасхальных крестных ходах «участвовали священник, дьякон, церковный сторож и 5-7 жителей, которые местным населением назывались *ristad* (букв. кресты)» [9, с. 92]. Т.А. Бернштам обнаружила и другую закономерность. Костяк богоносцев (изредка их называли крестonosцами), по ее мнению, составляли обетники – «люди любого пола и возраста, давшие обет вместе со священником обойти весь приход» [2, с. 268]. Живописные картины, предшествующие крестному ходу, представлены в олонецкой епархиальной прессе. Они показывают изменения, постепенно происходящие в гендерной сфере: «Вот робко подходят к благочинному женщины и просят дозволения и им в несении святых икон. Радости их не было границ, когда они получили желаемое разрешение» [11, с. 603].

Довольно часто крестными ходами соединялись храм и прилегающие к нему часовни, а в процессии участвовали местные клирики и наиболее активные прихожане, о чем свидетельствуют данные из разных мест Олонецкой епархии. В Петрозаводске к одной из часовен, приписанных к кафедральному Петропавловскому собору, ежегодно совершался от кладбищенской церкви крестный ход к часовне, расположенной на Кукуево́й горке [32, л. 6 об. – 7]. В знаменитом своими церквами Кижском приходе духовенство и верующие дважды в год по праздникам совершали крестные ходы к часовне во имя Успения Божией Матери. Третий кижский крестный ход отправлялся в День сошествия Святого Духа к другой часовне того же наименования, расположенной на Каргиной горе [20, л. 89]. В Шокшенском приходе Покровская церковь соединялась крестным ходом с расположенной при дороге в 2 верстах часовней во имя святой Мироносицы Марии Магдалины [5, л. 29]. В Космозерском приходе ежегодно, 26 июня, совершался крестный ход из Успенской церкви к часовне во имя Тихвинской Божией Матери, расположенной в деревне Тереховской [20, л. 2 об.]. В Типиницком приходе

ежегодно совершались крестные ходы к трем местным часовням [20, л. 141 об.]. Иногда в современных этнографических трудах встречается совсем другая точка зрения на эту проблему: «Часовни возникали на путях крестных ходов» [26, с. 740].

Изучение материалов делопроизводства показывает, что в городах крестные ходы совершались так же регулярно, как в сельской местности, отличаясь лишь большим числом участников из разных слоев населения. Например, в Повенце крестный ход совершался трижды в год по случаю летних праздников: Николая чудотворца, Воздвижения Креста Господня и Успения Пресвятой Богородицы. Верующие в составе торжественной процессии направлялись к расположенным в городе часовням, «поелику сии часовни устроены во имя сих праздников» [29, л. 2]. В день праздника Преполовления Пятидесятницы в Петрозаводске регулярно совершался крестный ход из кафедрального собора. Как видно из краткого описания, составленного в 1898 г., процессия направлялась «на воду и вокруг города». Верующие во главе с архиереем выходили на городскую пристань, где совершали «чин освящения воды», а затем отправлялись в путь по главным городским улицам. Завершался крестный ход возвращением в кафедральный собор [23, с. 4].

Основные церковные праздники и престольные торжества церковью сами по себе, без каких-либо дополнительных условий и ограничений со стороны духовного начальства, становились поводами для крестных ходов. Ежегодные крестные ходы проводились в дни Богородичных праздников, а иногда в дни, связанные с почитанием ангелов, апостолов, пророков, мучеников и великих святителей. В Виданском приходе Петрозаводского уезда ежегодно совершалось три крестных хода: в Пасху, на 1 августа и в день Богоявления Господня [20, л. 12]. В прилегающем к Петрозаводску Соломенском приходе крестные ходы совершались в Великую Субботу и Светлую неделю [20, л. 14]. В Фоймогубском приходе «церемониальное крестное хождение» регулярно совершалось в дни Богоявления Господня и Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня [20, л. 19]. Пасхальные крестные ходы –

наиболее распространенное явление, неслучайно они считались «главными» крестными ходами [2, с. 268]. Только в Петрозаводском уезде они совершались в Виданском, Вешкельском, Горском, Деревянском, Линдозерском, Мелогубском, Мунозерском, Шокшенском, Шуйском, Ялгубском приходах [20, л. 1-141 об.]. В Шуйском приходе пасхальные торжества отмечены двумя крестными ходами: в саму Пасху и день Преполовения Пасхи [20, л. 105 об.]. Водосвятие также становилось популярным поводом для совершения крестного хода. В Мунозерском приходе процессия ежегодно направлялась к Мунозеру для освящения воды [20, л. 49 об.], а в Горском приходе крестный ход совершали к Онежскому озеру [20, л. 51 об.]. В Мелогубском приходе крестный ход для освящения онежской воды совершали 1 августа [20, л. 49 об.], а в Линдозерском приходе один из крестных ходов предназначался для освящения реки Суны [20, л. 98]. Иногда крестные ходы совершались в те пятницы, которые почитались в народе «наряду с установленными Церковью праздниками». На северо-востоке Вологодской губернии ежегодно праздновали пятницу первой недели Великого поста у часовни, совершая к ней крестный ход [22, с. 243].

Наличие в том или ином приходе или монастыре особо почитаемой православной реликвии также служило надежным поводом для организации крестного хода. Обычно осуществлялись ходы вокруг храма или монастыря, обладавших такими святынями [14, с. 109]. Еще одним аргументом для проведения крестного хода становилось празднование примечательных событий из истории Русской Православной Церкви, а также местные торжества. В связи с 900-летием Крещения Руси в Петрозаводске состоялся крестный ход от кафедрального собора к источнику, находящемуся близ реки Неглинки. Событие церковной жизни скорее напоминало спектакль на открытом воздухе. По свидетельству очевидца, «по прибытии туда участвовавшим в процессии представилось интересное, невиданное даже 1 августа (когда бывает крестный ход к тому же ключу) зрелище: вся вершина песчаной горы, которая окружает ключ с юга, была усыпана народом» [13, с. 283].

Сходные явления наблюдались и в сельской местности. В мае 1914 г. накануне Троицына дня в Челмужском приходе организовали крестный ход к одной из местных часовен. Священник, взяв икону преподобного Александра Свирского и положив ее на носилки, «нарочито для того устроенные», направился к близлежащей часовне «с пением тропаря и запевов преподобному». По пути «на величание, чтение Евангелия и целование иконы преподобного были деланы остановки». После богослужения святой образ обнесли вокруг храма, а молящиеся «проходили под икону». Шествие крестного хода стало всенародным праздником: «народу, сопровождавшего икону преподобного, было очень много». Икону украсили «зеленью и по усердию прихожан платками и полотенцами» [24, с. 593-594]. Повсеместно крестные ходы совершались во время торжеств по поводу открытия новых учебных заведений, при освящении новопостроенных или отремонтированных церквей [8, с. 111].

Бедствия народной жизни, особенно эпидемии, служили веской основой для проведения крестных ходов. В данном случае крестные ходы генетически связаны с опахиванием селений, которое, судя по этнографическим данным, сохранялось и в XIX в. В Шуйском уезде Владимирской губернии крестьяне верили, что «холера не проникает в село, опуханное сохой» [4, с. 269]. Крестный ход выполнял аналогичную функцию. В 1830 г., когда в Ладвинском приходе «открылась повальная болезнь на скот, от которого начало переходить и к людям», было решено отремонтировать местную церковь во имя усекновения главы Иоанна Предтечи и установить праздник в честь иконы Смоленской Божией Матери, «нося святую икону Ея с крестным ходом по всем деревням прихода». После совершения крестного хода, как указывали в своем отчете местные священники, «не только ни один человек не заболел и не умер, но и все больные выздоровели» [20, л. 23]. Ладвинские священники обратились к местному преосвященному Игнатию с просьбой разрешить ежегодное проведение аналогичного празднества [31, л. 1-3].

Неблагоприятные метеоусловия также пытались исправить при помощи крестного хода. Во многих местностях России крестные ходы совершались в дни, связанные с событиями прошлого [12, с. 36; 25, с. 174]. Европейский Север России не был исключением. Самые ранние свидетельства относятся к середине XVII в., когда в Вологде был установлен обетный крестный ход в память о чудесной перемене погоды. После крестного хода к гробу преподобного Галактиона небо прояснилось и дождь, угрожавший урожаю, прекратился. Отныне крестный ход ежегодно совершался в Духов День [7, с. 20]. Материалы, связанные с Олонецкой епархией, подтверждают эту закономерность. В Сенногубском приходе Олонецкой губернии крестные ходы, помимо часовенных праздников, совершались «во время бездождия или безведрия» [20, л. 15]. В некоторых случаях крестные ходы могли сочетаться с молебнами. В Заонежье молебны от засухи устраивали в церквях и часовнях, посвященных Илье Пророку, «или в полях по соседству с ними» [27, с. 21].

Крестные ходы в ряде местностей России устраивали и с «профилактическими» целями: для того, чтобы защитить урожай от всевозможных угроз, связанных с внезапными неблагоприятными атмосферными явлениями. В таких случаях особое значение придавалось иконе Илии Пророка, к которому крестьяне обращались с молитвами о дожде [14, с. 104]. В Олонецкой епархии крестный ход от местной церкви к пашне совершался в северном и малопригодном для земледелия Ребольском приходе. Духовенство намеревалось учредить еще два крестных хода: при «начатии посева» и «по собрании хлеба с полей» [34, л. 23]. В Масельско-Паданском приходе, по утверждению местного духовенства, жители «считали за нужное» перед началом сева совершить крестный ход вокруг пашни [20, л. 19]. В соседнем Паданском погосте по данным того же источника особо почитался святитель Николай. Его икону с крестным ходом носили вдоль полей, «дабы он скорыми молитвами своими испросил у Бога Его благословения при начале посева умножением плодов земли» [20, л. 21].

Начало XX в. ознаменовалось настоящим расцветом традиции крестных ходов. «Устройство» торжественных церковных процессий считали действенным «средством к поднятию религиозного настроения в народе» [11, с. 603]. На Европейском Севере России ситуация не слишком отличалась от общероссийской. Постепенно установление крестных ходов приспособлялось к потребностям текущего момента политической жизни. Появлялись новые крестные ходы, прежние становились значительно более массовыми. Наиболее грандиозный за всю историю Карелии крестный ход, связанный с борьбой против распространения панфинской идеологии, состоялся в мае-июне 1914 г. Ответственному мероприятию предшествовала тщательная разработка маршрута. Предстояло пройти по всем карельским волостям Повенецкого уезда, совершая богослужения в приходских церквях. Верующие с иконой святителя Иоасафа, освященной на его мощах в Белгороде, прошли за 16 дней 308 км. На остановках по пути следования происходили диспуты православного духовенства со старообрядческими наставниками. С ними в присутствии крестьян обсуждались самые животрепещущие дискуссионные вопросы – о бытии Церкви и ее таинствах: крещении и браке. Епархиальные власти уделяли заметное внимание сбору пожертвований. В церковной периодике отмечалось, что «на икону святителя, несмотря на громадные расстояния между селениями, было возложено 440 аршин холста, 153 полотенца, 75 платков, 50 аршин ситцу и собрано доброхотных подаяний в кружку 288 руб. 22 коп.», что позволило окупить все расходы по организации столь грандиозного мероприятия и даже получить доход в размере 250 руб. [10, с. 17].

Таким образом, крестные ходы выполняли чрезвычайно важные функции в религиозной жизни Европейского Севера России XIX – начала XX вв. Во-первых, они служили делу консолидации приходских сообществ: связывали часовни и приходскую церковь. Во-вторых, они являлись неотъемлемой частью церковных праздников. Благодаря крестному ходу духовенство получало возможность продемонстрировать высокую степень своего влияния на верующих. В-третьих, с точки зрения современников, крестный ход выполнял

защитную роль. Он наделялся чудесной способностью защитить местное население от вредных воздействий, под которыми в равной мере понимались как инфекционные болезни, так и чуждая участникам крестного хода идеология.

Список литературы:

1. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 814 с.
2. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
3. Булаев В.М., Горина К.В. Конфессиональное пространство как предмет социальной географии // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2011. Вып. 1. С. 147-156.
4. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии). СПб.: Европейский Дом, 1993. 472 с.
5. Ведомость о церкви Покрова Пресвятыя Богородицы Шокшенского погоста за 1858 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 126. Оп. 2. Д. 6/109. Л. 1-31.
6. Вениамин (Краснопевков-Румовский), архиепископ. Новая скрижаль. Полное объяснение всех церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода. СПб., 1909. 624 с.
7. Верюжский И. Преподобный Галактион Вологодский чудотворец. Вологда, 1910. 29 с.
8. Вещезеров А. Освящение придела во имя св. и чуд. Николая в Чуриловском приходе, Вытегорского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1911. № 7. С. 111.
9. Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: ПетрГУ, 1996. 139 с.

10. Вознесенский И. Крестный ход по Карелии // Карельские известия. 1914. № 13–16. С. 17-19.
11. Волокославский А. Соединенный крестный ход 8 приходов 17-го благочиннического округа Олонецкой епархии к Параскевинской приписной церкви Тудозерского прихода Вытегорского уезда 17 и 18 июля // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 26. С. 603.
12. Волоснов Р. Ю. Православные крестные ходы в сельской местности Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 32-40.
13. Генделев Д.З. Петрозаводск. 300 лет истории. Петрозаводск: Карелия, 2001. Кн. 2. 328 с.
14. Громыко М.М. Службы вне храма // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX вв.: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. С. 103-124.
15. Дело по доношению Каргопольского собора протопопа Василия Селенинова с братиею об отнятии у него Спасо-Каргопольского монастыря строителем иеромонахом Варлаамом в церковных служениях первенства // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 2/26. Л. 1-4 об.
16. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу Духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга. СПб., 1883. 430 с.
17. Из постановлений благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в г. Каргополе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 252-266.
18. Инструкция благочинному приходских церквей // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М.: Унив. тип., 1901. С. 65-109.

19. Инструкция приходским священникам Олонецкой епархии в деле борьбы с расколом // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 22. С. 754-759.

20. Исторические сведения о приходах Петрозаводского уезда // Отдел письменных источников государственного исторического музея. Ф. 450 (Барсов Е.В.). Оп. 1. Д. 696. Л. 1-141 об.

21. Кодан С.В., Поляков И.Ю. Полицейское законодательство Российской империи. Екатеринбург: Уральская академия государственной службы, ИИТЦ «Зерцало-Урал». 2000. 220 с.

22. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян в XIX-XX вв.: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. С. 61-84.

23. Крестный ход в Петрозаводске // Олонецкие губернские ведомости. 1898. № 23. С. 4.

24. Крестный ход в Челмужском приходе Повенецкого уезда 25-26 мая 1914 года // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 25. С. 593-594.

25. Кузнецов С.В. Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. С. 168-181.

26. Листова Т.И. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. М.: Наука, 2004. С. 725-747.

27. Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.: Наука, 1993. 150 с.

28. Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.). М.: «Индрик», 2004. 920 с.

29. Рапорт благочинного Повенецкого Петропавловского собора священника Иоанна Ставровского) // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 18/400. Л. 2.

30. Рапорт духовенства Юшкозерского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 18/400. Л. 7.

31. Рапорт ладвинских священников о дозволении в их приходе праздновать 20 июля каждого года день иконы Смоленской Божией Матери по обещанию, сделанному во время скотского падежа в 1830 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 15/339. Л. 1-3.

32. Рапорт священников кафедрального Петропавловского собора в Олонецкую духовную консисторию // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 126. Оп. 1. Д. 4/43. Л. 6 об.-7.

33. Рапорт священника Пидемского прихода в Олонецкую духовную консисторию // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 106/51. Л. 15.

34. Рапорт священников Ребольского прихода в Олонецкую духовную консисторию // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 18/400. Л. 23.

35. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 282-291.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics,

Production Management and State and Municipal Administration Department,
Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk,
Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.